

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Руминации по поводу губчатых энцефалоидов

Жан Бодрийяр

15.04.1996

Жан Бодрийяр
Руминации по поводу губчатых энцефалоидов
15.04.1996

Скопировано 20.05.2020 с
<https://www.chaosss.info/povodgubki/>
”Ruminations pour encéphales spongieux”, par Jean
BAUDRILLARD (Libération, 15 avril 1996)
[https://www.liberation.fr/tribune/1996/04/15/
ruminations-pour-encephales-spongieux_168697](https://www.liberation.fr/tribune/1996/04/15/ruminations-pour-encephales-spongieux_168697)

ru.theanarchistlibrary.org

Эпидемия коровьего бешенства характеризуется, прежде всего, размягчением тканей человеческого мозга, принявшим размах настоящей эпидемии, – целые полчища человеческих существ охвачены паникой, подражая крупному рогатому скоту в невиданном разгуле мимикрии. Нашему взору открываются полномасштабные испытания, позволяющие качественно оценить людское стадо.

Опасность заключается вовсе не в том, что домашняя скотина передаст нам своё губкообразное заболевание. Оно уже окружает нас повсюду, и умственный вирус сопряжён с последствиями куда более тяжёлыми, чем вирус биологический. И если областью, более всего затронутой этим недугом, является наша информационная и новостная система (независимо от того, что заявляет об этом она сама), на то имеется весома причина: всё дело в том, что с точки зрения такой эпидемии система эта представляет собой идеально восприимчивую зону поражения. Сети коммуникации – это неохватная вирусная система, а мгновенная

передача данных уже сама по себе таит смертельную опасность. В этой ситуации неизбежной критической массы хватит и малейшей искры, чтобы вскрылся абсцесс коллективной ответственности, подобно тому, как мельчайшее тело, брошенное в диффузный раствор, провоцирует молниеносную кристаллизацию.

Наши системы секретируют такой заряд поверхностной ответственности, что время от времени она неизбежно конденсируется, как если бы речь шла о статическом электричестве, высвобождаемом разрядом молнии. Наряду с реальными опасностями, нам угрожающими, над нами нависает и этот огромный запас ответственности, словно радиоактивное облако, ожидающее малейшего повода к тому, чтобы пролиться дождём. Бешеная корова – это реинкарнация священной коровы в обличье коровы гниющей. В отличие от примеров, обнаруживаемых в Индии, – когда священное животное переносит инфекционные заболевания людям, осуществляя это, однако, в порядке эндемии, – домашняя скотина, обречённая на заклание от ножа мясника, готова мстить, переходя от эндемии к эпидемии. Коровы так и не смирились с тем, что им скармливали гнилые овечьи туши, принуждая их к плотоядности. Несмотря на их умиротворённое забытьё, они так и не смирились с тем, что их отдали на откуп мясникам в угоду единственному виду, от внимания которого совершенно ускользнул момент столь радикального разрыва с животным царством. Коровы так и не смирились с превращением их в симулякры – в полном согласии с тем плотоядным идеалом, который знаком нам с недавних пор. Ибо отныне всё, что связано с коровами, подлежит программированию: посредством гормонов, трансплантации и генетического перераспределения частей тела, с помощью пластической хирургии, призванной извлечь максимальную прибыль из животного, воспринимаемого

лишь как мясо. Корова уже не есть то, чем она являлась когда-то. Она – артефакт, разновидность развоплощённого мяса, обрушивающего суицидальную месть на своего хищника в виде инфекции. И мысль о подобном отмщении коровы пережёвывали уже очень давно.

Вирусы завладели коровой именно потому, что тело её превратилось в *не*-тело, мясную машину. А люди утратили свой иммунитет, позволив вирусам завладеть и ими, только лишь оттого, что человеческие тела перестали быть телами, став нейронными, операционными машинами. И как раз из-за того, что вычисления стали исключительной прерогативой технологий массовой коммуникации, и сама она обнаружила свою уязвимость перед всем многообразием информационных вирусов. Все вирусы действуют заодно: начиная с прионов, инфицирующих одну корову за другой, а в конечном счёте и человека, и заканчивая самим человеком, инфицирующим всю планету (вплоть до того момента, когда он вторгается в свой собственный генетический код с целью его изменения). Быть может, в этом проглядывает некий общий замысел? Кто может сказать, какие подспудные процессы бунта и отмщения протекают среди тех самых существ, которых мы обрекли на заточение и заклятие?

В некотором смысле биологический вирус «осознаёт», что он может воспользоваться вирусом техническим, вычислительным, как и вирусом умственным, сопряжённым с размягчением мозга, чтобы распространиться как можно шире и отыгаться по полной. Исследования уже показали, что разрушением озонового слоя мы в наибольшей степени обязаны рогатому скоту – и, разумеется, всем жвачным вообще, – с их сернистым пердежом, их тлетворным метеоризмом. Так что этот заговор вызрел отнюдь не вчера! Бессмысленно кого-то в этом упрекать: коллективное безу-

мие – это пирамидальный синтез сходящихся в одну точку последствий, феноменов, вступающих в резонанс.

От протеина – в коровий мозг, от этого мозга – в наши информационные системы, от этих систем и сетей – в автоматическое умственное устройство по расшифровке общественного мнения, и далее – в губчатое энцефаловидное тело политического класса: воспроизводится всё та же структура, а посему, открывается возможность экспоненциальной прогрессии. Попробуем проследить эту цепочку с другого конца: более нет ничего, что могло бы защитить политиков от вируса общественного мнения; однако ничто не защищает и само это мнение от вируса информации; как и нет ничего, что могло бы защитить наши компьютеризированные информационные системы от мельчайшей и неприметнейшей новостной статьи или от их же собственной истерии; и наконец, похоже, что по причинам весьма туманным исчезло и то, что некогда защищало корову от прионной болезни. Налицо тотальный иммунодефицит во всей цепочке – от первого и до последнего её звена. Оттого и выходит, что в якобы рациональной системе хаос может нарастать в экспоненциальной прогрессии, провоцируя невероятных масштабов массовое отравление, не сопоставимое по своим последствиям с исходными предпосылками.

СПИД, терроризм, обвал фондовых рынков, компьютерные вирусы, природные катастрофы: все эти феномены взаимообусловлены и подчинены единому протоколу вирулентности. Они абсолютно гармонируют как друг с другом, так и с банальностью общей системы. Например, единственный террористический акт вынуждает нас пересмотреть всю имеющуюся политическую сцену в свете проблемы терроризма. Одно лишь появление такого феномена, как СПИД, даже на статистически пренебрежимом уровне, вынуждает нас переосмыслить целый спектр заболеваний

мых системой в отчаянных попытках совладать со своими же вирусами.

и само тело в свете вирусной гипотезы, гипотезы иммунодефицита и т. д. Таким образом, появление бешеных коров воспринимается как событие из того же разряда, что и террористический акт.

Есть грубая ирония в том факте, что случай с коровами выступает, образно говоря, в качестве лакмусовой бумажки, обнажающей специфику европейской политической ситуации (с учётом того, что даже боснийская мясорубка не смогла потревожить это невнятное, лицемерное образование). К примеру, британская публика, опираясь на силу общественного мнения, может либо обратить свой гнев на собственное правительство, обвинив его в халатности, либо упрекать Европу в том, что та якобы пытается навязать свои законы их стране. Нежданное подспорье для национализма всех сортов: «Губчатый, не губчатый – какая разница! Все они – скоты!» Когда ситуация складывается самым паскудным и противоречивым образом, достаточно малейшего инцидента, чтобы обнажилась вся её паскудность и противоречивость. Даже если речь идёт о паскудности и противоречивости либеральной системы. «Всё должно циркулировать беспрепятственно», – ну что ж, тогда это применимо и к микробам, вирусам, наркотикам, капиталу и террористам. А циркуляция всего, что есть худшего на свете, осуществляется куда быстрее того, что на свете есть лучшего. А значит, чередованию открытия и последующего закрытия границ не будет конца.

Сама история убеждает нас в том, что коровью болезнь следует рассматривать через призму террористической гипотезы – европейский саммит в Турине, посвящённый губчатому энцефалиту, открывается сразу же вслед за саммитом в Шарм-эль-Шейхе, посвящённым проблеме исламского терроризма. Только вот показушная солидарность европейцев в вопросах, касающихся борьбы с этой новой угрозой, произвела ещё более жалкое и гротескное впечат-

ление, чем всемирный парад государственных лидеров, собравшихся вместе, чтобы сокрушить фантомного врага. Британская бешеная корова и палестинский бомбист-камикадзе олицетворяют разные участки единого фронта, а кроме того, ими движет общая суицидальная энергия, всё та же невыразимая ярость. И даже прионы с ними заодно. Из каких генетических бездн явился этот загадочный протеин? Где расположено ядро всемирного террористического заговора? И каков смысл этой последовательности: прион заражает корову, корова заражает СМИ, СМИ доводят массы до исступления – все они оказываются жертвами друг друга, и одновременно все они вступают в невольный сговор между собой с тем, чтобы последствия были максимально катастрофичными.

Если рассматривать эту проблему в контексте последовательной разбалансировки всей системы, можно констатировать полный успех. Разве в конечном итоге кто-нибудь пострадал? Массы в кои-то веки получили повод отвлечься от своих унылых будней, а власти предрержащие – способ отвлечь внимание масс от своих нечистых делишек. Впрочем, на волне подобных событий социальный порядок день ото дня утрачивает свою легитимность. Не будучи обременёнными никакой «личной» ответственностью за что-либо вообще (в чём мы смогли убедиться на примере скандала с переливанием заражённой крови), правящие классы вынуждены в очередной раз расписаться в своём полном бессилии перед лицом непредсказуемых последствий этого происшествия. Что и говорить, лечить симптомы они умеют – забивать коров или уничтожать террористов, – однако им придётся столкнуться с куда большими трудностями, если они намерены разорвать порочную цепь событий, вылившихся в нынешний кризис, – в этом случае им предстоит совладать с эпидемией обстоятельств и объективных условий, взаимное наложение

которых привело к катастрофе. Власти предрержащие равным счётом ничего не смыслят в «обратно направленных» процессах вирулентности, на фоне которых даже умиротворяющие и профилактические меры – точнее, избыток профилактических мер – способствуют лишь разжиганию истерии. Но есть и ещё одна «обратно направленная» переменная – СМИ. Когда их обзывают коровами отпущения, они возражают в том духе, что они якобы лишь выполняют свою работу. Однако именно выполняя свою работу (а к этому оправданию, как мы хорошо помним, прибегали и коменданты концентрационных лагерей), они всё ту же затягивают вирулентную петлю.

Нет никаких сомнений, что следующий всемирный саммит будет посвящён проблеме предотвращения землетрясений – и достигнутые успехи будут сопоставимы с нынешними. А кроме того, можно не сомневаться, что эта буря, вызванная сговором между коровой и протеином, утихнет, не возмев ни малейших последствий – то есть не оказав вообще никакого влияния на привычный ход вещей. Однако попутно этот скандал обнажит сокрытую до сих пор беспорядочность, колоссальную беспорядочность наших систем, несущую в себе угрозу их неминуемого обрушения. И уже только это можно поставить в заслугу данному инциденту, не говоря уже о полезном открытии касательно того, что человеческий скот, как выясняется, балансирует на грани той же пропасти, на дне которой оказались бешеные коровы, и что эффект разжижения мозгов, оказываемый новостями и информацией, воспроизводит все те же симптомы губчатой энцефалопатии. И стоит ли упоминать то тайное упоение, что несёт в себе паника, – даже тем, кого она охватила, – то (эстетическое) наслаждение, что проистекает из осознания абсурдной несоизмеримости наблюдаемого события, и удовольствие, получаемое при созерцании беспомощных телодвижений, производи-